

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
АНДРЕЯ ЛАНЬКОВА**

19 февраля 2016 г. | Москва

Я тут вижу значительное количество коллег, для которых многое из того, что я скажу, достаточно очевидно. Я вижу много людей, для которых это, наверное, будет не очевидно, поэтому постараюсь найти какой-то компромисс.

Традиционное представление о Северной Корее, что это такая очень странная страна, описывают ее как: сталинистская, иррациональная, воинственная. Вообще, ни с одним из выше упомянутых трех определений согласиться, в общем-то, невозможно. Иррациональной она не является, и сталинистской она не является, и воинственной она не является. Но вот как-то эти штампы закрепились.

Сегодня я бы хотел поговорить в основном о тех переменах, которые довольно слабо известны за пределами страны, во многом потому, что все это не отражается, о чем я отдельно буду говорить, — принципиально не отражается в официальных публикациях северокорейских. Речь идет вот о чем: как всем хорошо известно, в начале 90-х годов северокорейская экономика столкнулась с тяжелейшим кризисом. Она и до этого была крайне неэффективна, но поддержка извне, в первую очередь, со стороны Советского Союза, позволяла ей как-то держаться на плаву. Эта поддержка была прекращена, по понятным соображениям и причинам, в начале 90-х годов. За этим последовал тяжелейший экономический кризис.

Масштаб кризиса оценивается разными людьми по-разному, потому что, напоминая, статистика не публиковалась с начала 60-х годов никакая практически. Но, по-видимому, можно говорить о том, что машинное производство сократилось раза в два за 90-е годы до начала 2000-х. Что важнее всего — прекратили отоваривать карточки, потому что страна в старом ее варианте — это была страна практически тотальной карточной системы. То есть все нормировалось, все выдавалось населению по нормам. Я бы сказал, именно выдавалось, а не продавалось, потому что цены были совершенно символические. То есть правительство фактически раздавало народу продукты и основные товары народного потребления по тем нормам, которые, так сказать, можно было себе позволить и которые они считали рациональными. Нам бы, наверное, эти нормы показались не очень рациональными, но северокорейцы в этом ничего плохого не видели, вполне к этой системе привыкли. Вот эта система развалилась в начале 90-х годов.

Что случилось дальше? Во-первых, конечно, случился голод с большим количеством жертв. Сколько — непонятно, северокорейцы неофициально признали 250 тысяч. Есть сильно завышенные оценки — 2,5 миллиона. Скорее всего, там цифра около полумиллиона, если смотреть по результатам переписи, последней анализо-переписи. Но вопрос-то, скажем, спорный, хотя большой голод, серьезнейший голод в Восточной Азии. И на этом фоне северокорейское население, при общей непонятной политике властей, но скорее, при попустительстве, реально, скажем так, открыло рыночную экономику. Когда стало ясно, что карточки не отоваривают, люди пошли, стали, значит, в горах на участках работать. Участки эти были неофициальными, но чиновникам тоже нужно было что-то есть, и они спокойно, за совершенно мизерные взятки, закрывали глаза на эту деятельность. В некоторых случаях были официальные инструкции сверху, позволяющие это делать. Значит, пошли, стали заниматься, так сказать. Классический вариант: на заводе, который вроде бы остановился из-за отсутствия сырья и электроэнергии, что-то делалось на продажу на рынок.

Стали возникать мелкие мануфактуры, массовый характер приняло отходничество в Китай. На пике, в конце 90-х, порядка 200 тысяч нелегальных северокорейских рабочих работало в Китае. Ходили через границу, которая практически до 2010 года не контролировалась, ходили достаточно свободно. Вот эти все перемены.

В результате в Северной Корее возникает новый частный сектор. Возникает он, как я уже говорил, в мелких [масштабах], сначала совершенно мельчайшая какая-то деятельность, то есть домашнее производство, домашние мастерские. Потихонечку он распространяется, где-то, скажем, в конце 90-х уже появляются первые достаточно крупные частные предприятия, использующие наемный труд. Правда, тут возникает проблема. Дело в том, что все эти перемены, о чем еще раз специфически скажу дальше, не были никогда официально оформлены сверху. Поэтому, значит, если у человека появлялось желание вкладывать достаточно большие деньги, в конце 90-х деньги — это суммы большие, тысячи долларов. Сейчас, конечно, эта сумма уже в небольшие сотни тысяч долларов. И, значит, когда появлялось желание вкладывать такие большие деньги, необходимо было обеспечить некое легальное прикрытие подобного мероприятия. Для этого вступали в партнерские отношения с государством.

Вот у человека есть там, условно, 10 тысяч долларов, сделанные на контрабандной торговле сушеной рыбой, допустим, с Китаем. Это женщина, а практически все люди, занятые в этой экономике, — женщины. Ну, не практически все, а 3/4. Сделала она, так сказать, деньги, деньги сделаны, человек идет, значит, в городскую управу, то есть народный комитет, договаривается о том, что ему выдается разрешение на открытие ресторана. Но он может не с народным комитетом договариваться, с кем-то, кто имеет право, якобы государственная организация, это может быть внешнеторговая фирма. Это особый, очень интересный институт — эти внешнеторговые фирмы, каковых очень много там. В любом случае он получает некую государственную бумажку, под ней он работает. Он вкладывает деньги, он договаривается об аренде помещения, он нанимает персонал, он работает и отчисляет. Обычно речь идет не о проценте с выручки, просто ее не проконтролируешь, всю абсолютно наличность: все абсолютно втемную, непонятное теневое. Поэтому договаривается, что определенную сумму просто отчисляет государству. Сами они это называют планом, но когда речь идет о плане, это просто некая фиксированная сумма. Вот ты заработал столько-то, столько-то ты обязан [отдать], все, что сверху, — твое. Это достаточно стандартная схема, вся северокорейская экономика, эта вот частная, она по такой схеме работает.

Дальше, значит, стали появляться более крупные предприятия, в частности под вывеской внешнеторговых фирм. Это особенность Северной Кореи, там еще с конца 70-х годов, а особенно с конца 90-х, очень много так называемых внешнеторговых фирм, которые занимаются тем, что зарабатывают деньги якобы для организаций, которые их создают. Организации могут быть самые неожиданные, там, воинские части, управление генерального штаба, кто угодно может быть.

Вот они создают организацию, эта организация получает право на внешнеэкономическую деятельность, но не любую, а определенную. Там, скажем, выдается ВАК так называемый, то есть лицензия на, скажем, продажу, условно говоря, тысячи тонн сушеных кальмаров. И вот после этого нужно найти эти, как, сушеные кальмары, причем понятно, ни в каком управлении автодорожного

строительства генштаба сушеных кальмаров нет. И нужно найти деньги, чтобы эти кальмары купить. И вот тут, обычно, в схему встраивается частный капитал.

Вот такие вот перемены потихонечку разворачивались и до начала правления Ким Чен Ына. Это был такой экскурс, потому что об этом все более-менее подробно написано, последние 10 минут я хочу посвятить самым последним новостям. Потому что сам вернулся из приграничья, в Северной Корее был. И главное, что в Северной Корее не очень много, о чем можно узнать, хотя посмотреть полезно. Я общаюсь с северокорейскими бизнесменами, с китайскими бизнесменами, которые крутятся в приграничье. Много чего интересного можно узнать.

Так вот, значит, эта политика. Причем власти не совсем понимали, что с этим делать. У них были свои политические соображения. Ким Чен Ир покойный очень боялся опустить контроль, опасаясь, что воспроизведение китайских реформ в условиях разделенной страны и очень большой разницы в уровне жизни между Южной и Северной Кореей может привести к политической нестабильности, проще говоря, падению режима по восточногерманскому сценарию. Поэтому он, как бы, не совсем понимал, что делать с происходящим. Были периоды, когда он пытался поощрять это, например, в 2002–2003 годах. Были периоды, когда он пытался справиться, наоборот, так сказать, восстановить старую экономику распределительного планового характера, это с 2005 по 2009 год. Кульминацией стала денежная реформа в ноябре 2009 года, которая окончилась полным провалом и создала действительно, реально нестабильность очень серьезную на короткий период в стране.

А большую часть своего правления, — практически все эти перемены начались как раз перед приходом Ким Чен Ира к власти, в самом начале 90-х, и ускорялись под его руководством, — большую часть этого времени Ким Чен Ир, в общем, их игнорировал, по большому счету. У Ким Чен Ына другая линия. Ким Чен Ын, в общем, человек молодой, он понимает, что вечно продолжаться, существовать нынешняя система не может, что нужно что-то с этим предпринимать, что нужны какие-то меры. И, в принципе, он человек, судя по всему, существенно менее идеологизированный, чем его отец, хотя его отец тоже был не очень-то идеологизированным человеком. И, с одной стороны, есть желание изменить ситуацию, есть позитивный пример, отсутствие каких-то серьезных идеологических табу, но и одновременно, конечно, опасения по поводу возможной нестабильности. Поэтому все реформы очень-очень медленно нужно проводить, все преобразования очень медленно. В свое время Дэн Сяопин сказал, описывая китайские реформы, что, дескать, мы речку переходили по скользким камушкам, но речка, в случае с Северной Кореей, пошире будет существенно, водичка побыстрее, а камушки куда более скользкие. И Ким Чен Ын это, в общем, понимает. Но тем не менее сейчас уже можно сказать, что с декабря 2011 года, после смерти своего отца, при всей противоречивости внутренней политики, — ну, не внутренней, скажем, кадровой политики, — Ким Чен Ын решился на проведение тех мер, которые, в общем, его отец, скажем, несколько раз к ним подходил, но толком провести так и не решился.

Здесь у нас два главных поворотных пункта, один здесь описан в докладе, другой тоже упомянут, но там события стали развиваться в последние месяцы только. Первым поворотным... Я бы сказал, что есть некие четыре... Скажем так, экономическую политику Ким Чен Ына можно свести к четырем пунктам. Значит, первый пункт — это сельскохозяйственная реформа. Это единственное, что можно

назвать реформой, потому что она, в общем, работает. Реформа эта была объявлена 28 июня 2012 года, когда они опубликовали закрытое постановление по поводу изменения системы управления сельским хозяйством. Закрытость там очень условно, и, как говорил один из героев «17 мгновений весны», отрицательный персонаж: «То, что знают трое, то знает и свинья». Там это знали 100 тысяч человек для начала, то есть текст достаточно быстро стал известен широко.

Это постановление предусматривало, что значительная часть урожая будет поступать крестьянам, разве что крестьяне будут работать в малых звеньях, — не в семьях, упаси Господи, а просто в малых звеньях, которые каким-то странным образом по численности примерно соответствуют то ли одной, то ли двум крестьянским семействам, 5–7 человек, вот такое звено. Такое звено становится хозрасчетной единицей и, самое главное, оно работает за фиксированную долю урожая. В разных деревнях, в разных районах немножко разные варианты, видимо, идет параллельно несколько моделей, но их все объединяет одно — крестьяне работают за долю урожая, в большинстве случаев — за одну треть. Это первая модель.

Модель заработала сразу, потому что одна из вещей, если вы смотрите, скажем, печать, СМИ, там время от времени (обычно это случается весной — в начале лета) мы имеем такие сообщения: «Северная Корея находится на грани голода». Там, ООН сообщает, что такое страшное случилось, либо засуха, либо наводнение, либо и то и другое сразу. Проходит какое-то время, голода не происходит, но, как вы догадываетесь, на первой странице, на первой странице о Корее все равно не пишут, где-то на пятой, в газетах не появляется сенсационного сообщения: «В Северной Корее нет голода». А осадочек остается, то есть вот эти вот сообщения, которые там мелькают, о том, что они на грани голода, они более-менее ежегодные, почти ежегодные. Я как-то не поленился, отслеживал, даже составил список годов, когда об этом не писали, но их мало там, в двух третях случаев мы это имеем. Эти сообщения оставляют такой немного интересный осадок, а в действительности голода как такового нет, просто нет. Вот система, повторяю, была объявлена в июне, потом примерно полгода не было ничего, возникло подозрение, что они вообще ничего не собираются делать, что это была ложная тревога — фальстарт. И вдруг, с начала 2013 года началось, и в 2013 году Корея собирает рекордный урожай. И в 2014-м собирает, а в 2015-м, прошлом, урожай, он похуже, но там были реально очень серьезные проблемы с погодой, но тем не менее, благодаря этим реформам Северная Корея достаточно близка сейчас к самообеспечению продовольствием. Это первая, самая важная вещь, это нужно четко понимать, потому что она немножко контринтуитивна, если вы слишком [часто] читаете СМИ и слишком им верите.

Вторая политическая линия, тактическая линия Ким Чен Ына — это отношение к промышленности, тут все сложнее. Значит, 30 мая 2014 года последовало новое постановление ЦК и кабинета министров, в котором предусматривалась, во-первых, дальнейшая радикализация сельскохозяйственной реформы, а во-вторых, введение хозрасчета для предприятий. То есть, подразумевалось, что директора предприятий получают право закупать продукцию на ранке по рыночным договорным ценам, продавать ее тоже по договорным ценам, и увольнять и нанимать персонал более-менее свободно, и платить им те зарплаты, которые полагается платить. С точки зрения: а) представления стоимости труда, б) с точки зрения наличия ударного у предприятия фондов. Такая общая схема.

Дальше повторилась та же самая история, то есть она была объявлена в мае, объявлено было, что будет введено в начале прошлого 2015 года. Все ждали, те, кому было это интересно, — немногие. Весной 2015 года стало ясно, что ничего не меняется, все пришли к выводу, что все это была очередная утка. Ну, не очередная утка, но как было первое разочарование с сельским хозяйством. Побывав сейчас в этих местах, я вдруг обнаружил, что все в один голос начинают говорить: и китайские экономисты, занимающиеся Северной Кореей, и китайские торговцы, которые торгуют, и люди, которые размещают там заказы, — они сообщают, что реформа началась, она просто началась с 7–8-месячным запозданием. И до этого были экспериментальные проекты, то есть часть заводов работала уже по этой схеме, давно, чуть ли не с 2012 года, а в последние месяцы количество резко расширилось.

Результатом стало резкое увеличение зарплат, «резкое» означает совсем резкое. Если официальная зарплата на старом предприятии, работающем по старой модели, это две-три, максимум четыре тысячи северокорейских вон, что по нынешнему курсу 40–50 американских центов в месяц, то на нынешних предприятиях мы имеем сейчас зарплату 100–150 тысяч в качестве базовой зарплаты для неквалифицированного персонала. Это, как вы сами догадываетесь, уже близко к 15–20 американским долларам в месяц, но это базовая. Человек с квалификацией может получать до 60 долларов в месяц, конечно, это не кажется очень большими суммами, но, учитывая уровень цен, это, конечно, по северокорейским меркам, очень большой прогресс. При этом любопытно и совершенно непонятно — почему-то нет инфляции.

Казалось бы, такое резкое увеличение денежной массы должно привести к инфляционным явлениям, [но] инфляция не наблюдается. Она хорошо отслеживается, цены на рис, на кукурузу — реальный рыночный обменный курс мониторится очень четко, практически ежедневно — стоят как скала. Чуть вверх, чуть вниз, но, в общем, все нормально. Тут не совсем понятно, в чем дело, равно как и непонятно, сколько предприятий работает по новой модели, сколько по старой. Есть интересные изменения на тех предприятиях, которые работают по старой модели, тоже в последние месяцы, этого здесь не будет. Я, как сказал, буду говорить о новостях. Эти изменения такие, что раньше ожидалось, что все рабочие, работающие на предприятиях старой модели, будут обязаны ходить на работу, даже когда [делать] нечего, просто сидеть охранять собственность и быть готовым к будущему, когда все работать начнут. Сейчас это требование отменено, то есть рабочий на неработающий завод может и не ходить ежедневно. Там нужно время от времени появляться, но требования, что он там по несколько часов сидит около станков — в лучшем случае, в худшем — на какую-нибудь мобилизацию отправляют трудовую, заборы красить, а то и траву зеленую, — это кончилось. Это вторая политика.

Третья политика — это третья политическая линия, это изменение отношения к северокорейскому бизнесу. Те, кто сделал деньги в лихие 90-е и в еще более лихие 2000-е, к ним новая линия очень проста — их не трогать. Ходят слухи — это слухи, но слышал я их слишком от многих людей, чтобы полностью их игнорировать, — что, якобы, существуют даже закрытые указания Ким Чен Ына не интересоваться происхождением денег, если кто-то собирается вкладывать крупные суммы. То есть, сейчас результатом, хорошим отражением происходящего является рост цен на недвижимость в крупных северокорейских городах, причем не только в Пхеньяне. В Пхеньяне хорошая квартира из разряда «супер-элитная» стоит порядка 200 тысяч американских долларов, не «супер-

элитная» 70–80 тысяч американских долларов, в Синийджу, например, ввели новый дом семнадцатизэтажный, приличный такой вполне дом, там 60 тысяч долларов квартира. То есть, все это происходит при правлении Ким Чен Ына, в отличие от его отца, который все время колебался, не знал, что делать, — не было ни одного законного акта, ни одной инструкции, ни одной компании, направленной против нового частного бизнеса. Но об этом чуть позже, уже в самом конце. Я постараюсь более-менее уложиться в срок, через 3–4 минуты закругиться надо мне, как Максим предупредил. Конечно, надо помнить о том, что это все по-прежнему технически формально нелегально. Об этом чуть позже.

Четвертая политика, которая, в общем, проваливается, хотя усилия явно предпринимаются, четвертое направление работы — это попытки привлечь иностранные инвестиции. Здесь хвастаться особо нечем, иностранный инвестор в Северную Корею не идет, отчасти из-за того, что Северная Корея заслуженно считается крайне необязательным партнером. И периодические скандалы, только два крупных за последние несколько лет — с египетской фирмой «Раском» и с китайской фирмой «Сиян» — они напомнили еще раз, что деньги везти в Корею можно, даже можно там прибыль получить, а вот репатриировать прибыль бывает, мягко говоря, сложновато. Это плюс, конечно, общая нестабильность ситуации, но главная проблема, наверное, крайне завышенные представления о северокорейской стороне, о собственной инвестиционной привлекательности. То есть, обычная схема, которую... Историю я слышал невероятно много раз. И тут недавно разговаривал с коллегой, буквально вчера, он точно такую же историю мне стал рассказывать очередную, когда привозят буквально на пустырь и говорят, что вот теперь ребята будут, вам счастье привалило, вы здесь можете завод построить и хорошо. При этом это именно пустырь, там ни коммуникаций, ни электричества, ничего. Ни дорог, с дорогами вообще очень плохо (кроме инфраструктуры связи, ситуация там улучшилась). В общем, пока с инвестициями усилия есть, есть более 20 новых экономических зон, созданных Ким Чен Ыном, но результатов реальных нет.

Вот четыре политики. По большому счету, они работают. Важный момент еще такой контринтуитивный, Северная Корея остается очень бедной страной по любым меркам, тут не нужно никаких иллюзий, но она не только не голодает больше. Да, недоедания весной есть, но вот по данным, которые, собственно, северокорейская сторона сама предоставляет, получается, что там порядка четверти населения весной недоедает. Возможно, цифра преувеличена, потому что это немножко контринтуитивно — северокорейская сторона склонна преувеличивать уровень собственных экономических трудностей, чтобы получить иностранную помощь. Но тем не менее, в общем, конечно, недоедание до какой-то степени существует, это понятно, [но] голода нет. Главное, есть определенный экономический рост, сколько он — непонятно. Самая пессимистическая оценка, оценка южнокорейского банка Кореи — 1,3 %, а самая оптимистическая — три-четыре, а иногда и пять процентов. Они абсолютно гадательные, это оценки людей, находящихся долгое время в Пхеньяне, ездящих по стране, но они такие, чисто визуальные. Я думаю, более точных цифр нет, они просто статистику соответствующую не собирают. С другой стороны, нужно четко подчеркнуть одно очень важное обстоятельство. Все эти перемены, о которых я говорю, являются, строго говоря, абсолютно незаконными.

Я очень часто цитирую одного человека, присутствующего в этой аудитории, [но], поскольку я не имел его разрешения на цитирование его, я обычно говорю абстрактно. По-моему, он даже здесь упомянут, без упоминания

имени. Этот человек, здесь присутствующий (захочет признаться — признается), сказал совершенно замечательное наблюдение уже несколько лет назад, что северокорейский средний класс чувствует себя совершенно великолепно и живет хорошо, и ест часто в ресторанах, и квартиры у них, и все. Проблема только в том, что любого из них можно в любой момент взять, арестовать, и не помню, либо сказано там: поставить к стенке, — в этом разговоре было или нет, но да. Я могу только согласиться с этим человеком, которого я радостно цитировал и цитировать буду, если он мне напрямую после этой встречи не запретит.

В общем, ситуация такая, что действительно это факт. То есть вроде бы все и есть, и, вроде бы, даже есть негласные инструкции их не трогать, но в любой момент эти негласные инструкции — они на то и негласные, что в любой момент можно отрицать их существование, — отменить и все, что угодно. За единственным исключением сельскохозяйственных изменений в сельскохозяйственном производстве, все вот эти перемены — я иногда называю их реформами, иногда думаю, не погорячился ли я, — они все носят такой подчеркнуто обратимый характер. То есть человек приезжает, особенно если он приезжает как обычный иностранный журналист, которого очень четко сопровождают, то ничего подобного он не увидит. На вопросы такого рода вам будут отвечать, конечно, совершенно всякие фантастические истории, отрицая все, что происходит. Действительно, формально ничего этого нет. Некоторые сейчас ждут, что 7-й съезд, подготовка к которому идет сейчас очень активно, все города завешаны этими плакатами, забавно видеть. Но при всем при этом некоторые ждут, что на 7-м съезде объявят о реформах, но я бы поспорил 3 к 1, что не объявят. Вот такая вот странная ситуация, что идут перемены, перемены отчасти определены политикой правительства, но о них вообще ничего, за единственным исключением — сельскохозяйственная реформа, о которой иногда в газетах пишут. Но тоже без излишних деталей и без излишнего энтузиазма. Но тем не менее работает, ситуация улучшается, люди лучше одеты, машин больше, а в Пхеньяне даже пробки бывают автомобильные иногда, бум строительный везде идет, ну и, конечно, солнечные батареи.

Я, когда был в приграничье тут недавно, ровно месяц назад, собственно говоря, когда по Китаю и вокруг ездил. Я помню замечательную вещь, иду к речке Амноккан и говорю своему спутнику и коллеге, что, дескать, когда там увижу наконец огни — это будут огни надежды. Я-то был уверен, что их не увижу. И вот я подхожу к мосту и вижу, во-первых, мост, который раньше был совершенно, мост, соединяющий Китай и Корею, который обрывался четко посередине, как ножом обрезанный, потому что у корейцев была черная половина, а у китайцев — ярко подсвеченная. Вот мост весь подсвечен. И я смотрю на другой берег, и я вижу там огни, тусклые огни, но они есть. Впервые за 15 лет, ночью, не только вдали светятся эти два столба — статуи вождей, их там подсвечивают, особенно в дождь и в туман, а нормальные огни, что-то там светится. И не только официальные объекты или квартира, а даже одна зеленая неоновая вывеска мерцает вдали. Но это и понятно, с другой стороны, секрет открывается позже, когда тымотришь это вблизи, ты обнаруживаешь такую маленькую интересную вещь. В том же самом Сенджу, например, город просто завешан солнечными батареями, то есть если в Китае солнечных батарей нет, потому что, конечно, дешевле получать электричество из обычной сети, то в Северной Корее с сетью дела обстоят плохо, инфраструктура вообще вся, в том числе энергетика, в плачевном состоянии, и вот, соответственно, солнечные батареи. Фирма в Даньдуне, которая торгует этими батареями, у нее объем продаж 50 миллионов в год, и все это идет в Северную Корею, люди покупают, стоит для них недорого. Батарея и аккумулятор,

естественно, подсоединен. Много-то не получится, но в принципе, так сказать, лампочка экономная, телевизор посмотреть можно, даже водичку вскипятить, хотя это уже, может, и затруднительно. Вот примерно так. На этом я с вами заканчиваю свою официальную часть, раскланиваюсь, давайте дальше.